

К КАКОЙ РЕЛИГИИ СТРЕМИТСЯ СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО?

Аннотация: Изучение истории прошлых эпох человеческого общества показывает не только корни тех событий и явлений, которые происходят в современности, но также помогут предсказать наиболее вероятный ход событий в будущем ближней, средней и дальней перспективы. Статья «К какой религии стремится современное общество?» как раз пытается совершить предсказание о потенциальном ходе событий в современном светском обществе на основе тенденций в социумах языческого Древнего Рима и современного его аналога – светских Соединённых Штатов Америки. Используя хорошо проработанный труд американского философа Стивена Смита «Язычники и христиане в городе: культуркампф от Тибра до Потомака» выделены некоторые ключевые предпосылки в сравнении древности и современности (современность рассматривается в основном в период «постсекуляризма») – отношение к публичному мнению по некоторым вопросам, таким как права гомосексуалистов, вопросы толерантности/нетолерантности и личные убеждения людей в поляризующемся светском обществе, становящемся всё больше похожим на общество языческого Рима.

Ключевые слова: *постсекуляризм, светское общество, язычество, толерантность.*

Annotation: Studying history of the past eras of the human society shows not only the roots of the events and phenomenons, that are occurring in modern times, but these studies also help predict the most plausible course for the events to unfold in the close, medium and far fetched future. The article «Which Religion Does Modern Society Seek?» tries to perform prediction on the potential course of events in modern secular society based on the tendencies in the communities of pagan Ancient Rome and its modern analog – secular Unated States of America. While using thoroughly researched book of the American philosopher Steven Smith «Pagans and Christians in the city: culture wars from Tiber to Potomac» this article highlights some of the key prerequisites in the comparison of the ancient past and modernity. By modernity the author recognizes mostly the period of «postsecularism», e.g. attitude towards the public opinion on certain questions like rights of the homosexuals, tolerance/intolerance question and personal beliefs of people in ever polarising secular society, which is becoming more akin to the society of the Ancient Rome.

Key words: *postsucularism, secular society, pagan, tolerance.*

Антон Гончаренко, бакалавр богословия, христианский историк (Мини-аполис, США).

Эта статья является продолжением статьи «Нужна ли современному обществу религия?», опубликованной в 24 номере нашего Альманаха, где на основании статьи немецкого философа Юргена Хабермаса «Вера и знание», поднималась уже довольно долго обсуждаемая в философии тема постсекуляризма и его идей.

Концепция постсекуляризма, по мнению автора публикации «Картография постсекулярного» Дмитрия Узланера, не имеет чёткого определения, а напротив – весьма абстрактна и её можно объяснить упрощённым языком во фразе «раньше религии было мало, а теперь ее стало много»^[1]. Это происходит несмотря на то, что: «после интеллектуального вторжения Хабермаса и во многом вследствие него происходит лавинообразный рост интереса к постсекулярной проблематике»^[2]. Юрген Хабермас в своей речи по теме веры и знания, а также в расширенном письменном труде, несколько раз упоминает о пользе синтеза религиозности с научными данными в постсекулярном мире. Его главная мысль подразумевает сочетание достижений науки и религиозности европейского толка.

В Западной Европе и США, которые избежали жесткой секуляризации коммунистических режимов, вопрос постсекуляризма сегодня стоит очень остро. О синтезе религии и науки рассуждают и в высших кругах общества (среди политиков и учё-

ных), и вплоть до самого бытового уровня (стоит вспомнить о множестве новостей по поводу семейных конфликтов, мотивированных взглядами на развитие американского общества во время президентских выборов 2016 года). По этим причинам наиболее логичным будет обратиться к западным общественным сдвигам для того, чтобы проследить параллели развития современной дилеммы «религия/наука» и их синтез в контексте истории, а также возможные пути продвижения общества в направлении синтеза религии и науки.

За основу статьи взята книга заслуженного профессора права университета Сан-Диего Стивена Смита «Язычники и христиане в городе: культурные войны от Тибра до Потомака» (Steven D. Smith *Pagans and Christians in the City: Culture Wars from the Tiber to the Potomac* (Eerdmans 2018)), опубликовавшего много работ по постсекулярной проблематике. В 2014 г. вышла его книга «Возвышение и упадок американской религиозной свободы» (Steven D. Smith *The Rise and Decline of American Religious Freedom* (Harvard 2014)) и др. Он выполняет функции директора Института права и религии при этом университете. Являясь обширным трудом по развитию западного общественного дискурса, наиболее близким по своим реалиям к читателю конца 2019 года, книга рассуждает на тему одного из важных вопросов, поставленных чуть ранее – что же современное общество берёт на вооружение из религии, а также какая религия предпочтительна сегодня для синтеза с наукой?

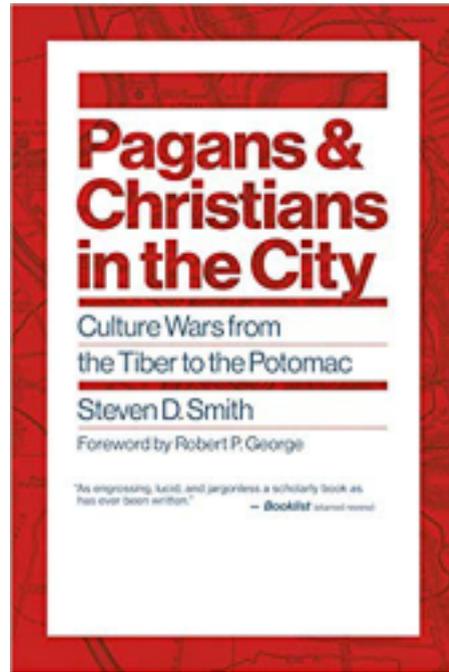
^[1] Д. Узланер. Картография постсекулярного. Отечественные записки, 2013, н. 1; URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo.html>

^[2] Там же.

В преамбуле к книге Стивена Смита «Язычники и христиане в городе: культурные войны от Тибра до Потомака» другой известный американский мыслитель, Роберт П. Джордж, профессор юриспруденции в Принстонском университете, устанавливает своеобразные рамки обсуждения, которым в своём труде следует его коллега Смит: «Светские прогрессисты (*приверженцы новых взглядов на мораль — ранее назывались либералами — прим. пер.*) не менее, чем остальные люди, или люди других верований, лелеяли и были глубоко убеждены даже в формирующих идентичность взглядах о том, что имеет смысл, что ценно, важно, хорошо или плохо, правильно или неправильно. Они (*прогрессисты*) могут не верить в Бога или трансцендентное и личностное божество, но определённые вещи (как профессор Дворкин^[3] ясно признал, даже утверждал в труде, опубликованном в конце его жизни) являются для них священными — то, ради чего они живут, ради чего были бы готовы сражаться и даже умереть (расовая справедливость, права ЛГБТ, ответственность за окружающую среду и т.д.). Они имеют веру — и это действительно вера.

Многие христиане и приверженцы иудаизма считают свою веру аргументированной и разумной. В самом деле, доктриной католицизма является то, что истинная вера аргументирована и разумна. Так почему светская прогрессивная вера оправдывает ярлык язычества в соответ-

^[3] Имеется в виду американский юрист, политолог, философ и теоретик права Рональд Дворкин, создатель концепции «права как целостности» (Law as integrity).

Стивен Смит. «Язычники и христиане в городе: культурные войны от Тибра до Потомака» (Eerdmans 2018).

ствии с мнением Смита? В конце концов, хотя эта вера не является теистической, она ни в коем случае (в буквальном смысле) не политеистическая. Смит разъясняет: «Языческая религия находит святость в этом мире». В таком случае, язычество может освящать мир изнутри и эта религиозность сродни имманентной святости. Иудаизм и христианство, в противоположность тому, показывают трансцендентную религиозность; они утверждают, что святость, в конечном счёте, находится вне мира»^[4]. Внимания в этом отрывке заслуживает выделенное автором статьи слово «язычество». Юрген Хабермас ещё в 2001 году предполагал такое развитие событий и пре-

^[4] Cit. Steven D. Smith. *Pagans and Christians in the City: Culture Wars from the Tiber to the Potomac*, 2018, Eerdmans, xi.

дупреждал о нём, ведь прежде христианской религиозности, присущей европейским цивилизациям (а к ним относятся и республики бывшего СССР также, как и США), Европа была континентом языческим. Более того, культурно-юридический предшественник современной западной цивилизации, Римская Империя, большой промежуток своего существования являлось государством, по убеждению его населения, глубоко религиозным и... языческим. Но почему язычество – новый источник религиозности для Запада? Ответ лежит в историческом анализе прошлого. Отсюда и образное название книги – «Язычники и христиане в городе: культурные войны от Тибра до Потомака» (Потомак – река, на которой стоит столица США Вашингтон, Округ Колумбия). Фактически, труд Стивена Смита делится на две части – историческую и современную. Анализируя историю противостояния христиан и язычников в первые три века новой эры, Смит проводит параллель между убеждениями и размышлениями древних язычников и накладывает их на реальность в современных Соединённых Штатах.

Устанавливая то, что современное общество тянется к языческой религиозности, Стивен Смит отмечает следующее: «Не препятствуя нашему исследованию, однако, подтверждение разнообразия как в язычестве, так и в христианстве, а также и сходств между язычниками и хрис-

тианами, должно предупредить нас от ожиданий найти чёткую и простую категоризацию оных. Разные учёные предлагают разные варианты отличий.

Римская религия была, как известно, политеистической; иудаизм и христианство монотеистичны. Римская религия фокусировалась на ритуалах, не на исповедании; христианство заботится об истине, доктринах, вере и ереси. Римская религия представляла набожность во внешних представлениях; иудаизм и особенно христианство были озабочены внутренним состоянием людей – тем, что было у них в умах и в сердцах. Римская религия была «от мира сего»; христианство акцентировалось на «мире грядущем». Римские боги требовали определённых жертв, но в остальном были безразличны (и исключали себя из орбиты) морали; Бог иудаизма и христианства был активно вовлечён в моральную жизнь.

Хотя эти различия не лишены оснований в исторических доказательствах, может оказаться так, что они не настолько категоричны. Вспоминная знакомое сопоставление, выраженное Людвигом Виттгенштейном^[5], то, что мы найдём может быть не неизменными и незыблемыми сущностями двух совершенно чуждых религиозностей, но скорее всего частично перекликающиеся, в то же время различного и отделяемого друг от друга “семейного сходства” между этими религиями»^[6].

Позднее автор книги вернётся к этому рассуждению, но благодаря этой установке можно сразу отметить

^[5] Австрийский философ первой половины XX в.

^[6] Steven D. Smith. *Pagans and Christians in the City: Culture Wars from the Tiber to the Potomac*, 2018, Eerdmans, 108.

потенциальные претензии тех, кто готов тут же раскритиковать позицию Смита по поводу большого сходства между язычеством и современным светским сообществом — христианство в современности в некоторых своих проявлениях похоже на язычество (очевиднейшим примером для христиан Восточной Европы будет, к примеру, наличие в

не заботясь об убеждениях, то современное «язычество» в виде светского общества не терпит «мыслепреступления» против прогрессивной повестки дня.

Таким образом, язычество, изгнанное при помощи христианства из официального римского общества начала новой эры, не ушло навсегда,

Современная прогрессивная толерантность всегда готова уважать любое количество различных религиозных взглядов до тех пор, пока они, нарочно или нечаянно, не объявляют себя истиной, и таким образом заявляют ошибочность противоположных взглядов.

православии почитания и молитв святым как посредникам между человеком и Богом — сонмы почитаемых святых похожи на сонмы древних богов в пантеонах, а также иконопочитание, которое персонифицирует то самое почитание святых в образах — сходство с почитанием идолов как изображений богов древности); в равной степени и современное «язычество» взяло с христианства некоторые черты, ярчайшей из которых является борьба светского общества с неправильными, по его мнению, убеждениями людей, такими как отрицательное отношение к практикам абортов, гомосексуализма, наркомании и т.п. То есть, если древнее язычество просто требовало, как сказано ранее, только правильного совершения ритуалов,

но затаилось в тёмных уголках культур, а затем и частично инкорпорировалось в христианство, в том числе и посредством практики «смены богов» (как это описывается у Беда Достопочтенного в «Церковной истории народа англвов»¹⁷⁾), смогло просуществовать вплоть до современности, обнаружив массового почитателя в лице мастеров эпохи Возрождения — именно с этого периода и началось воссоздание околязыческих институтов в жизни элит, пока ещё открыто против христианства не выступавшего в то время.

При обращении внимания на различия в понимании приемлемых в обществе аспектов с точки зрения как доминирующего язычества в Риме, так и пока ещё маргинального христианства, автор книги отмечает диаметрально противоположные взгляды на допустимое между двумя конфликтующими мировоззрениями: «Протагор¹⁸⁾ утверждает, что человек является мерилom всего¹⁹⁾.

¹⁷⁾ Беда Достопочтенный. *Церковная история народа англвов*; URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Beda/frameset1.htm>

¹⁸⁾ Имеется ввиду Протагор из Абдеры, древнегреческий философ, один из родоначальников софистов.

По этой предпосылке, если практики (вроде рабства или инфантицида) широко принимались человеком, то каков ещё мог быть оценочный критерий, к которому можно было апеллировать? Но христианство настойчиво отрицало утверждение Протагора. Не человек, но Бог являлся окончательным мерилем все-

юшую трактовку развития мировой психиатрии: В некоторых областях психиатрия стремилась к максимально возможной научности при изучении влияния генов шизофрении или нейротрансмиттеров, вовлечённых в развитие депрессии. В других областях, однако, дисциплина показала себя служанкой своих

**Римская политика, понимаемая римлянами как
 “Мы примем вас и вашего бога если вы примете наших богов”, неизбежно звучала для христиан как лицемерные или, как минимум, невежественные двойные стандарты:
 “Мы примем вашу религию, если вы фактически откажетесь от неё и взамен примете нашу языческую религию”.**

го, поэтому одобряемые практики вроде рабства могли быть в корне неверными»^[10].

Параллель между принимаемыми практиками в древности и современности можно провести и при взгляде на современные реалии — к примеру, всё то же отношение к гомосексуальности всего 45 лет назад в США и 29 лет назад во Всемирной Организации Здравоохранения. Имея доклады о положении гомосексуальных отношений в обществе врачи сначала в Штатах в 1974-м^[11], а затем и в ВОЗ в 1990-м^[12] исключили гомосексуальность из списка психических расстройств. При этом Оксфордский «Исторический словарь психиатрии» предлагает следу-

культурных и политических хозяев. Сексуальное поведение является одной из таких областей, и тенденция психиатрии “плыть по течению” явна в сфере гомосексуальности^[13].

Современное светское общество, исходя из предпосылки о том, что это общество должно быть отделено от каких бы то ни было религиозных взглядов, в конце концов, ставит именно самое себя (во главе которого стоят обычные, хотя и очень влиятельные люди) в качестве мерила того, что есть морально и аморально — весьма схоже с тем, что утверждал Протагор в древности.

Ещё один аспект, присущий как современности, так и древнему Риму, оказывается, как ни странно,

^[9] Steven D. Smith. *Pagans and Christians in the City: Culture Wars from the Tiber to the Potomac*, 2018, Eerdmans, 147.

^[10] Там же, 148.

^[11] Mendelson, George. *Homosexuality and psychiatric nosology*. Australian and New Zealand Journal of Psychiatry: journal. — 2003. — Vol. 37, no. 6. — P. 678—683. — DOI: 10.1111/j.1440-1614.2003.01273.x

^[12] “Остановить дискриминацию гомосексуалов — мужчин и женщин”, ВОЗ; URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-determinants/gender/news/news/2011/05/stop-discrimination-against-homosexual-men-and-women>

^[13] Edward Shorter. *Homosexuality, gender identity disorder, and psychiatry*; A Historical Dictionary of Psychiatry; Oxford U.P., 2005, 127.

это звучало бы, религиозной толерантностью. Действительно, римляне не требовали перехода покорённых народов из своей религии в римскую, однако всё, что нужно было сделать таковым покорённым народам — признать главенство римских богов и Цезаря через жертву божественному императору. В древнем глубоко религиозном языческом мире, привязанном к имманентной святости, покорение Римом любого народа воспринималось как победа богов Рима над богами покорённых — поэтому и было логичнее признать главенство тех, кто победил божеств проигравших, в то же время указав на свою лояльность новым господам через жертву императору. Христиане, однако, не могли принять и такого понимания вопроса.

Стивен Смит продолжает рассуждение на эту тему в своей книге, цитируя наблюдения немецкого египтолога Яна Ассмана: Не имеет никакого смысла вести разговор о «толерантности» в отношении политеизмов языческой античности, так как не присутствует критерий несоответствия (*между этими политеизмами — прим. пер.*); насколько понимали приверженцы религий других народов, не было ничего такого, что требовало «толерантности»^[14].

По словам египтолога Ассмана, деюре провозглашаемая религиозная толерантность римлян де-факто являлась и не толерантностью вовсе в её идеалистическом смысле! Толерантность римлян заключалась в

том, что Рим присоединял богов покорённых народов к системе римского язычества. «Культы, посвящённые разным богам и богиням являлись частями одной обширной религии, весьма схожей с тем, как разные католики современности могут ощущать особую связь с множеством различных святых, в то же время принадлежа к одной и той же вере»^[15]. Фактически, римская вера была своеобразной «религиозной губкой», которая впитывала в себя духовные опыты других народов для того, чтобы служить своеобразным «клеем» для обширной Империи.

Таким образом, рассматривая религиозную толерантность, приходит осознание и глубокого переплетения этой самой толерантности с государственной системой Рима. Так называемая толерантность была также и ещё одним инструментом, помогавшим держать контроль над множеством подвластных народов. Ведь, в конце концов, римлян не столько интересовало каким богам поклоняются подданные — главное, чтобы они выражали верность Империи через признание богов Рима, в том числе через ритуалы признавали божественность правителя Рима, императора. Естественно, что у христиан было своё обособленное мнение на этот счёт: «Христос, которого понимали бы как одного из множества богов переставал быть тем Христом, в которого христиане верили и которому поклонялись... Поэтому общая Римская политика, понимаемая римлянами как “Мы примем вас и вашего бога если вы примете наших богов”, неизбежно звучала для христиан как лицемерные или,

^[14] J. Assman. *The Price of Monotheism*, 18.

^[15] Steven D. Smith. *Pagans and Christians in the City: Culture Wars from the Tiber to the Potomac*, 2018, Eerdmans, 156.

как минимум, невежественные двойные стандарты: “Мы примем вашу религию, если вы фактически откажетесь от неё и взамен примете нашу языческую религию”»^[16].

Невозможность осознания римскими язычниками важности убеждений и исповедания веры, каковые были на первом месте у христиан, как упоминалось ранее, и каковые отсутствовали у язычников, которым необходимо было соблюдение простых внешних ритуалов, создавало напряжение в Риме. Ведь для язычников соблюдение ритуалов являлось также и доказательством преданности подвластных империи, а таковые ритуалы были неприемлемы для христиан. В таком случае о религиозной толерантности к христианам не могло быть и речи — христиане были потенциальными предателями и бунтовщиками, с которыми нельзя было вести диалог.

Толерантность римлян требовала в таком случае, как ни странно, политики под названием «никакой толерантности к нетолерантным». В самом деле, при параллельном сравнении с современным светским обществом и поголовным стремлением к толерантности выкристаллизовывается весьма схожая с древним Римом картина — современная толерантность не включает в орбиту своего действия тех, кого объявляют в светском обществе носителем «нетолерантных» идей и взглядов.

^[16] Steven D. Smith. *Pagans and Christians in the City: Culture Wars from the Tiber to the Potomac*. 2018, Eerdmans, 153.

^[17] Steven D. Smith. *Pagans and Christians in the City: Culture Wars from the Tiber to the Potomac*. 2018, Eerdmans, 358.

^[18] Там же, 359-360.

Смит замечает это, продолжая в своём труде: «...полное энтузиазма продвижение толерантности может послужить веским обоснованием к применению различных санкций, маргинализации, остракизму людей или институтов, чьи взгляды считаются нетолерантными. Понятие “нетолерантности”, в свою очередь, настолько растяжимо, что может быть использовано против любого, чьи взгляды или обязательства предполагают отвержение верований или стилей жизни которых придерживаются остальные. “Вы считаете, что мой образ жизни аморален? Вы нетолерантны”. На самом деле, здесь скрывается и другой парадокс: не является ли осуждение убеждений и практик, считающихся самими по себе нетолерантными, отвержением тех убеждений и практик, которых придерживаются остальные? При дальнейшем рассуждении эта интерпретация рискует растворить “толерантность” в предположение того, что “мы должны смириться со всякими разнообразными убеждениями и практиками, кроме тех, которые фундаментально отличаются от наших”»^[17].

Американский философ продолжает, приводя пример из истории Рима и их «толерантного» предложения христианам, в конце концов, заключая: «Подобным образом, современная прогрессивная толерантность всегда рада уважать любое количество различных религиозных взглядов до тех пор, пока они, нарочно или нечаянно, не объявляют себя истиной, и, таким образом, ошибочность противоположных взглядов»^[18]. Современное светское об-

щество старается исключить из всех сфер жизни тех, кто является «нетерпимым» из-за скрытого послания, которое он передаёт через отказ признания права на долю истины у тех, кто, по мнению «нетерпимых», ведёт аморальный образ жизни.

К таким «нетерпимым» людям общество проявляет политику «нулевой толерантности» — человек должен оставить свои убеждения, к примеру, вне сферы работы для того, чтобы не потерять не только оную, но и возможность пользоваться такими благами, как банк или аренда жилья. В конце концов, преследования за убеждения, отличные от «толерантного большинства и элит», за последние десятилетия заметно усилились, и, хотя не достигают масштабов и ужасов преследований христиан римскими язычниками, при подобном ускорении в распространении этой самой «нетолерантной толерантности» вполне может привести к печальным последствиям в будущем для всего западного мира.

Учитывая выводы предыдущей статьи «Вера и знание. Нужна ли современному обществу, религия?» а также работы Юргена Хабермаса и Греты Георгиевны Соловьёвой, указав, что религия действительно нужна, следует поставить вопрос: Какая религия нужна современному обществу?

Этот вопрос сродни тому, которым задаётся врач при выборе метода лечения пациента. Пациентом в данном случае стоит считать современное общество. И как в медицинской аналогии, современное общество стремится выбрать путь развития наименьшего сопротивления —

или, если можно так выразиться, путь «немедленного вознаграждения» за свои поступки. Ища свободы, общество ищет простого и наименее болезненного и ограничивающего выхода из сложившейся ситуации нарастания кризиса развития Запада в плане поиска идеалов. Светское общество обращается к самому себе

Светское общество обращается к себе как мерилу морального и аморального, правильного и неправильного; таким образом, светское общество стремится к возрождающемуся новому типу язычества, — религии без трансцендентного божества.

как к мерилу морального и аморального, правильного и неправильного; таким образом, общество стремится к возрождающемуся новому типу язычества, религии/идеологии без трансцендентного божества. Общество берёт что-то и из христианства тоже, но только то, что ему более по нраву и не обязывает к большому самоограничению.

Выявляя основные сходства язычества древнего Рима и современного американского «светского» общества, в равной степени вытесняющих из своей среды внезапно появившихся и ставших чуждыми для этих обществ христиан, Стивен Д. Смит в своей последней книге приходит к одновременно неутешительному и обнадеживающему выводу: неутешительным является стремле-

ние современного светского общества к идеалам и взглядам, сходным с языческими, со всеми вытекающими из этого последствиями: примером может послужить моральные стандарты сквозь призму технологического развития — в таком случае можно легко провести параллель между обычаем инфантицида (добровольного отказа от новорождённых) в Древнем Риме и современное галопирующее распространение одобрения практики аборт, а также заявления о всепокрывающей и принимающей все взгляды толеран-

тности до тех пор, пока эта толерантность не будет требовать терпимости к взглядам, противоречащим «толерантному» большинству. Обнадеживающим же является тот факт, что имея перед глазами пример древнего противостояния двух мировоззрений, вполне реальной видится возможность разрешить конфликт между современным светским/языческим мировосприятием и христианством при помощи детального и пристального изучения опыта прошлого вдобавок к Священному Писанию.

Библиография

Homosexuality and psychiatric nosology.

Mendelson, George; Australian and New Zealand Journal of Psychiatry: journal. — 2003. — Vol. 37, no. 6. — P. 678—683. — DOI:10.1111/j.1440-1614.2003.01273.x

Homosexuality, gender identity disorder, and psychiatry; Edward Shorter; A Historical Dictionary of Psychiatry; Oxford U.P., 2005.

Pagans and Christians in the City: Culture Wars from the Tiber to the Potomac; Steven D. Smith; 2018, Eerdmans;

The Price of Monotheism; Jan Assman; Stanford University Press; 1 ed.; 2009;

Вера и знание. Ю. Хабермас, 2001, URL: <https://fil.wikireading.ru/51552>,

Картография постсекулярного. Д. Узланер; Отечественные записки, 2013, н. 1; URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo.html>

Остановить дискриминацию гомосексуалов — мужчин и женщин. ВОЗ, 2011; URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-determinants/gender/news/news/2011/05/stop-discrimination-against-homosexual-men-and-women>

Церковная история народа англ. Беда Достопочтенный; URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Beda/frametext1.htm>

